

Народный артист Качалов

Качалов был юн, когда на сцене еще парил восторженный и преувеличенный героизм Дальского и когда довел до усовершенствованного блеска красоту жеста и речи Южин. Качалов был как будто создан для того, чтобы продолжить эффектную, но угасающую линию романтического театра.

У него было скульптурное умение лепить образ и особенное, только ему одному свойственное, обаяние, которое привлекало к нему любовь зрителей. У него было то сценическое благородство, которое позволило бы ему играть всех героев начиная с античного Эдипа и кончая романтическим Рюи Блазом.

Но, появившись на сцене, Качалов не пошел по этому, казавшемуся таким легким, пути. Напротив: он убил угасающего торжественного театрального «героя». Он, обладавший всеми данными для старого театра, встретившись с Художественным театром, со Станиславским и Немировичем-Данченко, по-новому оценил искусство актера и свою роль на сцене.

Ему стали неинтересны законченная красота жеста, намеренная приподнятость и эффектная декламационность. Все свои великие качества, не потеряв их, он подчинил новым задачам, и страна приобрела удивительного актера, далеко вышедшего за рамки замкнутого амшпау и завоевавшего свое, только ему принадлежавшее, качаловское место.

Разнообразие его творчества бросается в глаза уже по одному перечислению ролей. Он уходил в глубину истории, и тогда на фоне республиканского Рима возникал хитрый и мудрый образ Юлия Цезаря. Он смотрел в крепостную Россию и тогда лепил своего коварного, упрямого и трусливого царя Николая I.

Качалов по-новому оценивал классику, с которой у привычного зрителя были связаны школьные рассуждения и поучительные выводы. Тогда он разгадывал в «Гамлете» не только черты раздвоенного философа, но и качества мыслителя. В Чацком он разоблачал противоречия между остротой ума, пылом чувств и невозможностью противостоять грибоедовской Москве. Он всегда ставил себе труднейшие задачи.

Он мало интересовался ролями, которые было легко играть из-за их совпадения с его внешними данными. Хозяин своих чувств и мастер формы, он широко размахнулся от трагедии к комедии. Былой Чацкий, он играл Репетилова и теперь готовит Фамусова. Создатель героического Бранда, он играл студента Трофимова и Епиходова, он создал блестящий комедийный образ Глумова и глубочайшую лирику Тузенбаха. Он знает на сцене любовь и гнев, пафос и лирику, жесткую иронию и мягкую теплоту.

В Иване Карамазове он сплетает черты

философской пылкости с теми подпольными «карамазовскими» чертами, которые свойственны всей упадочной семье и которые доводят Ивана до безумия. Так в каждом характере встает его прошлая личная жизнь и среда, его создавшая.

Качалов передает его в тончайших деталях. Его мастерство — тонкое. Он пронизывает этими деталями образ. Они звучат в манере говорить, ходить, садиться, двигаться, в положении рук, в каждом маленьком жесте. Ни один из его героев не может быть оторван от своего времени — атмосфера эпохи, жизни говорит в каждом из них.

Эти свои качества Качалов доводит до полного и законченного совершенства. Он — подлинный мастер характеров. Но мастер, раскрывающий их в жизненной теплоте, психологической правде, вне какой-либо дидактичности и ненужной поучительности.

И все же как бы велико ни было мастерство Качалова, как бы, казалось, он ни растворяется в отдельных созданных им образах, оно было бы ущербно, если бы за всем их разнообразием не связывало свое, «качаловское лицо».

Если попытаться говорить о «сквозном действии» качаловского творчества, то ближе всего видно его в том, что Качалов преимущественно играл бунт мысли и одиночество души. Так было в длинной галерее его предреволюционных образов.

Может быть, больше всего он любил тогда, в дореволюционной России, одиноких мечтателей, подобных Ивару Карено, Тузенбаху и Пете Трофимову, защищавших свою веру и убеждения наперекор окружающим.

Качалов любил за мягкостью и ласково-

стью обнаруживать неожиданное внутреннее упорство.

Он любил раскрывать за тем «благословенным лицом жизни», которое он часто нес со сцены, силу неисчерпаемой воли и непобедимость веры. Он окружал образы, которые играл, легкой грустью или пролетающей печалью, даже в его юморе было много ласковой горечи.

Но он знал на сцене и горячий бунт мысли. «Анатэма», Бранд и Иван Карамазов были заняты большими философскими проблемами, он вместе с ними мучился над противоречиями жизни, над вопросами добра и зла, над развитием сознания и чувства.

Он жил на сцене всегда большими мыслями и большими чувствами. Когда же он сталкивался с людьми, обделенными мыслью и ущербными чувствами, он находил для них то ироническое или издевающееся отношение, которое обнаруживало подлинное мирозерцание Качалова. Он находил уничтожающие, но правдивые краски.

Он отрицал «образ», в то же время верно и последовательно его показывая. Он с ласковой иронией разоблачал Гаева в «Вишневом саду» и с ненавистью и злобой — царя Николая I. Так сплетаются три переливающиеся струи качаловского творчества. Он играл людей бунтующей мысли, лирических одиночек или комедийно-иронические роли.

Но все эти качества сливались для него в неиссякаемом оптимизме, который жил и за его иронией, и за его гневом, и за его грустью. Подобно Тузенбаху, он верил, что придет буря, которая сметет всю пошлость сверхой плохой жизни. Изображая быт предреволюционной России, он мечтал вместе со своими героями о приходе этой бури.

Годы вынужденных трехлетних заграничных странствований в начале революции не прошли для него напрасно. Обездв Европу и Америку, он вернулся в Союз более сильным и уверенным, чем когда-либо. В последние годы в СССР он создал такие образы, как лицо «от автора» в «Воскресенье» и как вождь партизан Вершинин в «Бронепоезде», стоявшие ему большого и упорного труда.

В нашей стране он раздвинул рамки своего творчества. Обаяние благородства, которое всегда окутывало Качалова, он принес с собой в жизнь. Его творчество стало окончательно ясным, сильным, классически прекрасным в своем законченном мастерстве. На вершине своего искусства, стройности и радости своего мирозерцания Качалов — лучший образец для молодежи, и не напрасно он окружен такой любовью массового зрителя и своих товарищей-актеров.

П. МАРКОВ.